

ПРИНЦИП ЭКВИВАЛЕНТА В ДРЕВНЕИУДЕЙСКОМ ПРАВЕ

Н. В. Малиновская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 12 июля 2022 г.

Аннотация: в статье анализируется понятие эквивалента и его смысловое значение по отношению к древнему праву. Указывается, что наиболее распространенной была абсолютная форма эквивалента, требующая полного тождества положения для обеих сторон. Это находило свое проявление в институте кровной мести, который получил отражение в древнеиудейском праве. Система возмездия проявляет себя в разных формах в Пятикнижии Моисея, в числе которых и смертная казнь как особый вид эквивалента. Подчеркивается, что древнеиудейское право как изначально консервативное содержало в себе элементы гуманизма, не характерного для других древних правовых систем. И в дальнейшем развитие правовых норм в древнем иудаизме шло по пути гуманизации, опираясь на различные интерпретационные техники.

Ключевые слова: эквивалент, кровная месть, возмездие, наказание, смертная казнь, древнее право, интерпретация права, гуманизм, доведение до абсурда.

THE PRINCIPLE OF EQUIVALENCE IN THE ANCIENT JUDAIC LAW

N. V. Malinovskaya

Voronezh State University

Abstract: the article examines the concept of equivalence and its meaning according to the ancient law. It is stated, that the most widespread form of equivalence was the absolute one, which demanded the complete identity for both parties. It revealed in the institute of blood feud, which found its manifestation in the ancient Judaic law. The system of retribution manifests itself in the Pentateuch of Moses in different forms, among which is the death penalty as a special type of equivalence. It is underlined that the ancient Judaic law being conservative included the elements of humanism, which were not typical for other ancient legal systems. And furthermore the development of legal norms in ancient Judaism went on to their humanization, due to different interpretative techniques.

Key words: equivalent, blood feud, retribution, punishment, death penalty, ancient law, interpretation of law, humanism, bringing to the point of absurdity.

Праву в различные периоды его развития в условиях разных правовых систем было и остается присущим стремление к сохранению баланса интересов, гармонии человеческих взаимоотношений и социального компромисса. Одним из главных принципов, способствующих достижению данных целей, является принцип эквивалента, подразумевающий соответствие между потерями членов социальной группы и их компенсацией, а также воздаяние за внесенный в развитие общества вклад (что, по сути, также подразумевает некий расход ресурсов, нуждающихся в восполнении). Если в современном праве об эквивалентности говорят чаще всего как о сложном гражданско-правовом понятии, то древнее право, выстраивая минимальные ограничения пока довольно простых потребностей общества, рассуждало об эквиваленте с позиций возмездия.

Понятия «возмездие» и «воздаяние» с точки зрения аналитики древнего права отдельные ученые рассматривают в качестве сходных¹. Причем обе категории анализируются как пути достижения справедливости, антиподом которой выступает неэквивалентное возмездие. По нашему мнению, категории «возмездия» и «воздаяния» все же можно различать, поскольку по смысловому наполнению «возмездие» больше тяготеет к негативному эквиваленту, подразумевая уравнивание потерь членов общества, а не увеличение благ у какой-либо из сторон. При таком подходе понятие «воздаяние» даже может рассматриваться как более широкое, так как может включать воздаяние негативное (ответственность за правонарушения) и воздаяние позитивное (присвоение материальных благ за вклад в общественное развитие и благосостояние). Тем не менее, поскольку на начальных этапах развития общества были более развиты конструкции правовой ответственности за нарушения, то и понятие «воздаяние» содержательно было ориентировано, в первую очередь, на свой негативный компонент – привлечение к ответственности в тех или иных формах. У отдельных племен даже можно найти специфические словесные обозначения (*ndu'ua* – у аборигенов Соломоновых островов), подразумевающие возвращение сторон к первоначальной позиции социального развития с точки зрения как возмещения ущерба, причиненного преступлением, так и возврата долгов.

При этом эквивалент как исходный принцип конструирования правовых норм может иметь несколько форм. Как минимум, среди них можно различить полный или абсолютный эквивалент, выражаемый в формуле талиона «воздавай тем же самым за то же и в той же мере»², и иные

¹ Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве. М., 2014. С. 229.

² Там же. С. 229.

формы эквивалента. Идеалом здесь будет являться полнейшее тождество по принципу «око за око», имеющее целью абсолютное уравнивание социальной ситуации для каждой из сторон. Именно такое в известной мере фанатичное стремление к «буквальной» справедливости определяло механизмы функционирования института кровной мести в древнем обществе. По мнению исследователей, члены племени-мстителя могли долгие годы ждать наступления подходящего для мщения социального положения враждебной группы. Это означало либо появление в последней мужчины, который соответствовал бы по качествам убитому, либо достижение сыном убийцы возраста и положения своего отца на момент совершения преступления. Отдельную роль играло совершение возмездия при аналогичных обстоятельствах³. Закономерно, что соблюдение всех перечисленных требований было довольно затруднительно, не всегда выдерживалось в точности и затягивало процесс мщения, продлеvalo негативное состояние вражды между социальными группами. По мнению Г. В. Мальцева, институт кровной мести «оформляется в нечто целостное» с тех пор как приобретает «внутреннюю устойчивую меру – эквивалент»⁴. По сути своей он имеет глубоко юридическую природу, которая конкретизируется первоначально в правовых обычаях, неукоснительно соблюдаемых племенами, а затем – в уголовной политике государств, в том числе – в первых законодательных актах.

Наиболее ярко действие принципа эквивалента проявляется в древнеиудейском праве, которое представляет собой совершенно особое, уникальное явление в масштабах истории возникновения и эволюции первых правовых норм. Одним из проявлений такой уникальности является в определенной степени вторичный характер государства по отношению к праву, когда у древних евреев создаются и закрепляются в официальном письменном источнике (Торе или Пятикнижии Моисея) первые и довольно подробные правовые нормы, в то время как государственность в виде территориальной целостности и обособленного аппарата управления и принуждения еще не сложилась. Тем самым иудейское право уже подразумевает потенциально высокий уровень развития правового регулирования, конструкции которого настолько соответствуют интересам общества, что способны функционировать какое-то время и без принудительной силы государства. Данный – удивительный по своей сути – феномен можно объяснить глубоким сакральным характером древнеиудейского права, суть которого можно отразить следующей фразой: «Судит не Моисей и назначенные им судьи, судит Бог»⁵. Имен-

³ Redfield R. Primitive law // Law and warfare. Studies in the anthropology of conflict / ed. by P. Bohannan. N.-Y., 1967. P. 7.

⁴ Мальцев Г. В. Указ. соч. С. 244.

⁵ Мальцев Г. В. Культурные традиции права. М., 2013. С. 244.

но так иудейский народ воспринимает закон и именно фактором глубокого, неопровержимого авторитета объясняется механизм его исполнения. Сказанное не отменяет того, что несмотря на многочисленные сугубо религиозные правила, содержащиеся в Пятикнижии Моисея, законодательство включает, в том числе, и абсолютно рациональные в своей основе нормы, посвященные наследованию, правовому статусу рабов, отношениям займа и залога.

Судебные функции в древнеиудейском обществе выполняли, скорее, духовные лидеры – сам Моисей, назначенные им десятиначальники, стона начальники и тысяченачальники (Исх. 18:13-26)⁶, позднее – старейшины и «судьи» («шофтим»), являвшиеся преемниками Моисея и пользовавшиеся авторитетом не только ввиду приписываемого им непосредственного контакта с Богом, но и наиболее полного знания закона⁷. Последний представлял собой нормы, изложенные в книгах Исхода и Второзакония, и являлся не просто традиционным механизмом разрешения конфликтов и урегулирования споров, но составлял особую гордость еврейского народа. Так, древнеиудейский историк I в. Иосиф Флавий в ответ на упреки античных авторов в консерватизме евреев и застое в развитии отношений у них с другими народами (главным образом, из-за нежелания менять законы) говорил следующее: «...у нас вся деятельность общая, мысль одна, согласная с законом Божества... у нас же, кого ни спроси о законах, он легче перечислит их, чем назовет свое собственное имя... нарушитель закона у нас явление редкое; уклонение от наказания (за нарушение) у нас вещь невозможная»⁸. Суровость и стабильность древних законов при этом подчеркивались как неоспоримые достоинства, поскольку, по словам того же Иосифа Флавия, они препятствовали распространению порока, который давно уже пришел в право греков.

Одно из наиболее ярких подтверждений консерватизма древнеиудейского закона, в котором принцип эквивалента проявляется весьма подробно, – институт кровной мести, который в случае с древнеиудейским обществом урегулирован в правовом тексте довольно подробно. Во-первых, в текстах Пятикнижия описываются прямые акты мщения и, при том, довольно жестокого. Так, сыновья Иакова мстят за бесчестье своей изнасилованной Сихемом сестры Дины (Быт. 34:1–31), поскольку рассматривают данное деяние как бесчестье, нанесенное всему роду и даже более того – всему Израилю. И, несмотря на то, что Сихем и его родственники предлагают совершить обряд бракосочетания и даже соглашаются при-

⁶ Библия. Русский синодальный перевод. [Электронный ресурс]. URL: <https://bibleonline.ru/bible/rst78/> (дата обращения: 20.06.2022 г.)

⁷ Еврейская энциклопедия : в 16 т. / под общ. ред. Л. Каценельсона. СПб., [1913]. Т. 14. С. 608.

⁸ *Иосиф Флавий*. О древности иудейского народа. Против Апиона. СПб., 1895. С. 111–112.

нять иудейский обряд обрезания, это не действует на оскорбленный еврейский род и два сына Иакова – Симеон и Левий – убивают самого виновника и всех его родственников мужского пола. И, хотя данный акт не получает одобрения от Иакова, который указывает на то, что теперь он стал объектом ненависти для всех соседних народов, но в то же время и прямого осуждения он также не имеет, что лишь подтверждает сложившуюся практику кровной мести как обычая. Во-вторых, идея мщения присутствует в воле Бога в случае нарушения евреями законов: «наведу на вас мстительный меч в отмщение за завет» (Лев. 26:23–25), «не отмстит ли душа Моя такому народу, как этот?» (Иер. 5:9–11). Наконец, в-третьих, книги Исхода и Второзакония предусматривают предание смерти в качестве наказания за довольно большое число составов преступлений. И хотя в тексте не идет речь буквально о кровной мести, подразумевается именно она, поскольку еще не существуют органы власти, которые могли бы от имени государства исполнять подобные наказания.

Тем не менее, при всей жестокости, естественной для древнего права, нормы Пятикнижия отличаются высокой (для соответствующего исторического периода) степенью гуманизма. Это находит свое проявление, в первую очередь, в правилах применения смертной казни как особой формы эквивалента, определяемого нейтральной стороной – государством. Древнеиудейское право различает для преступника формы вины и устанавливает эквивалент, соответствующий степени виновности: «Кто ударит человека так, что он умрет, да будет предан смерти; но если кто не злоумышлял, а Бог попустил ему попасть под руки его, то Я назначу у тебя место, куда убежать [убийце]; а если кто с намерением умертвит ближнего коварно [и прибежит к жертвеннику], то и от жертвенника Моего бери его на смерть» (Исх. 21:12–14). Логика нормы означает фактическое освобождение от ответственности в виде смерти за убийство без вины. Другим ярким примером является известная древневосточному праву конструкция нормы ответственности за халатность строителя, в результате упущений которого обрушился дом, под которым погиб сын хозяина дома. Аналогичная норма есть как в Законах Хаммурапи, так и в Ветхом Завете. Однако логика рассуждений законодателя и концепции ответственности здесь совершенно различные. По Законам Хаммурапи предлагается умертвить сына строителя, т. е. применить древнее стремление к абсолютному тождеству и помещению преступника в аналогичную до мельчайших подробностей ситуацию жертвы, что с правовой точки зрения означает объективное вменение, т. е. ответственность без вины.

Древнеиудейское право, напротив, прямо закрепляет принцип, по которому «отцы не должны быть наказываемы смертью за детей, и дети не должны быть наказываемы смертью за отцов; каждый должен быть наказываем смертью за свое преступление» (Втор. 24:16). И этот принцип

находит свое подтверждение в норме об ответственности, согласно которой за допущенную при строительстве халатность, повлекшую гибель сына хозяина дома под обломками, надлежит предать смерти непосредственного виновника – самого строителя.

Элементы архаичности и прогрессивного правового подхода сочетаются в конструкции нормы о бодливом воле (Исх. 21:28–29), когда вина хозяина рассматривается с точки зрения проявления им внимательности и предусмотрительности по отношению к собственному имуществу и степени его опасности для окружающих. С одной стороны, в данном случае действия животного, не наделенного разумом и способностями к осознанию, проецируются на человека, но с другой – эта проекция проводится исключительно на основе принципа вины.

В целом в древнеиудейском праве можно найти около 36 составов преступлений, эквивалентом за которые выступает смерть виновного. Такая ситуация была вполне нормальной для древнего права, в котором государство еще не присвоило себе функцию демонстративного умерщвления в качестве устрашающей кары за посягательства на основы системы управления в той или иной мере. Для сравнения, в Англии XVIII в. число составов, за которые назначалась смертная казнь, достигало 160.

Гуманистический характер древнеиудейского права подтверждается его последующим развитием, которым данная правовая система обязана активной интерпретационной деятельности субъектов, специально изучавших Священное Писание, – соферов и таннаев. Подобно опыту Древнего Рима, в среде этих толкователей-«книжников» возникали различные школы и направления, целью ряда которых была гуманизация архаичного закона и приведение принципа эквивалента в ответственности к сугубо правовому, максимально нейтральному и объективному содержанию.

В этих целях разрабатывались специальные приемы интерпретации, среди которых – умозаключение по аналогии, конструирование общей посылки для нескольких регулятивных норм, сравнение параллельных отрывков Священного Писания и прием доведения до абсурда. Так, при очевидно жестком подходе к родительской власти по отношению к детям, Пятикнижие не позволяет родителям самостоятельно распоряжаться жизнью и смертью их детей. Тем не менее, эквивалент за неповиновение родителям очень высок и означает смерть. Чтобы данное наказание было исполнено, родители должны привести «непокорного сына» к старейшинам города и предъявить обвинение публично, в присутствии жителей: «если у кого будет сын буйный и непокорный, неповинующийся голосу отца своего и голосу матери своей, и они наказывали его, но он не слушает их», то жители города должны забить его камнями до смерти (Втор. 21:18–21). Безусловно, формулировка самого обвинения в виде признаков «буйства» и «непокорности» не отличается конкретикой и при

широком толковании может быть распространена на деяния, которые неэквивалентны человеческой жизни. Устранить это противоречие стремились интерпретаторы – таннаи, которые вывели несколько условий для применения данной нормы: сын должен быть младше определенного возраста, т. е. до его «возмужания», оба родителя должны быть живы и оба согласны на умерщвление непокорного. Более того, право выдвинуть соответствующее обвинение возникало только у родителей равного социального происхождения (должны быть «достойны друг друга») и обладающих одинаковым тембром голоса⁹. Последнее представляет собой не что иное, как доведение смысла нормы до абсурда, продиктованное соображениями гуманизма и прогрессивного развития права.

Таким образом, принцип эквивалента, восходящий к догосударственному опыту развития права, последовательно проявляет себя в древнем иудаизме, будучи включенным в текст правовых норм как в виде кровной мести и талиона, так и в виде государственно определенной формы смертной казни или иных видов ответственности за правонарушения. Характерно, что архаическое понимание справедливости, присущее понятию эквивалента изначально, постепенно сменяется менее буквальным восприятием, учитывающим гуманистические начала права – ценность человеческой жизни и недопустимость произвольного распоряжения ею без объективных правовых предпосылок.

Библиографический список

Еврейская энциклопедия : в 16 т. / под общ. ред. Л. Каценельсона. – СПб. : Общество для Научных Еврейских Изданий и Издательство Брокгауз–Ефрон, [1913]. Т. 14. – 962 с.

Иосиф Флавий. О древности иудейского народа. Против Апиона / Флавий Иосиф. – СПб. : типо-лит. А. Е. Ландау, 1895. – 134 с.

Малиновская Н. В. Интерпретация в праве / Н. В. Малиновская. – М. : Проспект, 2011. – 184 с.

Мальцев Г. В. Культурные традиции права / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2013. – 608 с.

Мальцев Г. В. Месть и возмездие в древнем праве / Г. В. Мальцев. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2014. – 736 с.

Redfield R. Primitive law / R. Redfield // Law and warfare. Studies in the anthropology of conflict / ed. by P. Bohannan. – N.-Y., 1967.

References

Jewish encyclopedia : in 16 vol. / ed. by L. Katsenelson. – Saint-Petersburg : Association for Scientific Jewish Publishings and Brockhouse–Efron Publishing, [1913]. Vol. 14. – 962 p. (In Rus)

Josephus. To the antiquity of the Jewish people. Against Apion / Josephus. – Saint-Petersburg : A. E. Landau, 1895. – 134 p. (In Rus)

⁹ *Малиновская Н. В.* Интерпретация в праве. М., 2011. С. 25–26.

Malinovskaya N. V. Interpretation in law / N. V. Malinovskaya. – Moscow : Prospekt, 2011. – 184 p. (In Rus)

Maltsev G. V. Cultural traditions of law / G. V. Maltsev. – Moscow : Norma : INFRA-M, 2013. – 608 p. (In Rus)

Maltsev G. V. Revenge and retribution in the ancient law / G. V. Maltsev. – Moscow : Norma : INFRA-M, 2014. – 736 p. (In Rus)

Redfield R. Primitive law / R. Redfield // Law and warfare. Studies in the anthropology of conflict / ed. by P. Bohannan. – New York, 1967.

Для цитирования:

Малиновская Н. В. Принцип эквивалента в древнеиудейском праве // Журнал юридической антропологии и конфликтологии. 2022. № 1. С. 81–88.

Recommended citation:

Malinovskaya N. V. The principle of equivalence in the ancient Judaic law // Journal of Legal Anthropology and Conflictology. 2022. № 1. Pp. 81–88.

Сведения об авторе

Малиновская Наталья Владимировна – доцент кафедры теории и истории государства и права Воронежского государственного университета, кандидат юридических наук

E-mail: ilbas@mail.ru

Information about author

Malinovskaya Natalia Vladimirovna – Associate Professor at the Department of Theory and History of State and Law of Voronezh State University, Candidate of Legal Sciences

E-mail: ilbas@mail.ru